

ДОН НИГРО

АНАИС НИН: В
ЗЕРКАЛЬНОМ
ЛАБИРИНТЕ

Дон Нигро

**Анаис Нин: В
зеркальном лабиринте**

«Автор»

Нигро Д.

Анаис Нин: В зеркальном лабиринте / Д. Нигро — «Автор»,

Дон Нигро «Анаис Нин: В зеркальном лабиринте/ Anais in The House of Mirrors». Монолог Анаис Нин, писательница двадцатого столетия, произведения которой отличались особой эротичностью. К этой пьесе плотно примыкают пьесы «Генри Миллер: О женщинах», монолог Генри, и «Вдовствующая императрица в ночлежке»: о последней ночи, которую Анаис и Генри провели вместе.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Дон Нигро

Анаис Нин¹: В зеркальном лабиринте

Посвящается Татьяне Кот

Один персонаж – АНАИС. Красавица тридцати-сорока лет. На столе лампа и раскрытый журнал.

(АНАИС говорит с нами из комнаты, окна которой выходят в сад за домом).

АНАИС. Каждый из нас несет в себе личную трагедию, из-за которой скорбит всю жизнь. Где-то в прошлом остается событие, которое тихо, тайно, неумолимо определяет все ее последующее поведение.

Когда мне исполнилось одиннадцать, отец нас бросил, и мать увезла меня и братьев за океан, чтобы жить в Нью-Йорке. Именно тогда я начала писать дневник. Начался он с полного любви письма к отцу, в попытке убедить его вернуться ко мне. Я хотела посылать ему странички моего дневника, по мере того, как заполняла их, но мама запретила: вещи теряются. Я думала – она про почту, но теперь понимаю, что она пыталась меня предупредить: мой отец из тех людей, которые теряют все – предметы, животных, места, людей. А то, что не терял, он выбрасывал. И теперь дневник – лабиринт, в котором теряюсь я. И везде в лабиринте – зеркала.

Хватало зеркал и в нью-йоркском доме. Мы поселились в особняке из красно-коричневого песчаника на Западной Семьдесят пятой улице. Ранее дом принадлежал богатой семье, и хозяевам, похоже, нравилось любоваться собой, потому что зеркал они поставили всюду. Мама сдавала большую часть дома покинувшим родину кубинцам: художникам, певцам, танцорам, актерам, акробатам. Я ходила по дому, слушая три или четыре мелодии – их одновременно играли и пели на различных инструментах, – и смотрелась в зеркала. В каждом зеркале выглядела чуть иначе, но надеялась, что в одном из зеркал, каким-то образом, увижу отца, вглядывающегося в это самое зеркало над моим плечом. Мне снилось, что отец выходит из зеркала, чтобы обнять и утешить меня, когда я плачу ночью в кровати. Какая ты уродливая маленькая девочка, говорил он. Уродливая маленькая девочка. Я думала, что мой отец так несчастен исключительно по моей вине. Особенно близко к нему я чувствовала себя, когда он шлепал меня. Это был тот самый непосредственный контакт, которого я так жаждала.

Я приносила отцу написанные мной стихотворения и истории. Он говорил, что я, наверное, переписала их из какой-нибудь книги. Не верил, что маленькая девочка может написать такое. Мне отчаянно недоставало его, когда он ушел, но до ужаса боялась, что он причинит мне боль, а потому, когда он мне писал и открывал душу, как взрослой, я, наоборот, закрывалась, как устрица. И пусть потом люди любят тебя, много людей, если тебя бросает один из родителей, в норму жизнь уже не придет. Никто тебе его не заменит.

Разговоры тебя не излечат. Секс не излечит. Любовь не излечит. Лучшее, на что ты можешь надеяться, так это на временную иллюзию утешения.

Мама была симпатичной, но старше по возрасту. Отец был красавцем. Она впервые увидела отца, когда он играл на пианино в музыкальном магазине. Он заинтересовался ею, только узнав от кого-то, что у ее семьи есть деньги. Мой отец одевался с иголки, был невероятным чистюлей и мог соблазнить кого угодно.

Не думаю, что он был счастлив с нами. Я видела по его лицу, что мы ему не нужны. Он запирали нас в детской, когда бил мать. Но она была упрямой и не переставала оговариваться, пока он не понял, что лучший способ усмирить ее – запретить в комнате и бить нас, ее детей, чтобы она слышала наши крики. Еще он любил убивать маленьких зверушек. Но он прекрасно

играл на пианино, и я любила его всем сердцем. Дети – глупые маленькие зверушки. Иногда он фотографировал меня в ванне и говорил снова и снова, какая я уродливая маленькая девочка. Какая уродливая маленькая девочка!

Я помню, как он приходил на чердак и делал что-то со мной. Но я не уверена, то ли это реальное воспоминание, то ли воспоминание грезы. Когда я спросила его об этом, годы спустя, он сказал: «Ничего этого не было. Ты лгуныя. Всегда ею была. Как твой отец».

Когда у меня лопнул аппендицит, и все думали, что я умру, отец сидел у моей кровати в больнице и требовал, чтобы я нацелила всю силу воли на выздоровление. Если ты чего-то действительно хочешь, говорил он мне, обязательно этого добьешься. И я добилась. Выздоровела. Он научил меня, что можно преодолеть любые преграды, если быть очень, очень упрямым. Творческий человек должен выучиться упрямству, потому что обычные люди всегда стремятся убить в тебе лучшее, чтобы превратить в такого же, как они, и не испытывать угрозы, исходящей от твоей необычности. Не будь такой, как все, говорил мне мой отец. Будь сама собой, пока они тебя не убьют. Когда мама злилась на меня, она говорила: «Ты вся в отца». И я думала – да. И разве это не замечательно?

Потом он продал нашу мебель, забрал деньги и сбежал с девушкой-подростком, которую учил играть на пианино. И в те редкие случаи, когда отвечал на мои письма, подробно рассказывал о женщинах, с которыми спал. Когда я читала его письма, по щекам катились слезы, но я думала: «Ты не должна его винить. Он останется, каким есть, пока его не убьют». Я гордилась тем, что отец писал мне, как взрослой. И в ожидании ответов на мои письма, я каждый день писала дневник, тратила на это так много времени, что это начало тревожить мою семью. Тетушки называли меня «маленькой девочкой, которая слишком много пишет». Но мне было без разницы. Еще ребенком я слишком привязывалась к людям, живым существам, местам, вещам, и окружающий мир мне объяснял всего лишь одно слово: предательство. И найти смысл жизни я могла только одним способом: отыскивая его в своем дневнике. Моем самым близким, а иногда и единственным друге.

Потом случилось что-то совершенно неожиданное: мне исполнилось тринадцать, и люди начали влюбляться в меня. Первым влюбившимся стал мой кузен Эдуардо. Неистовство его влюбленности показало мне, что, взрослея, я каким-то образом прекратилась в красавицу, и мужчины меня хотят. Эдуардо был красивым и обаятельным, как мой отец, но меня не оставляла мысль, что его любовь ко мне – некая история, которую он сочиняет в голове. Кого он хотел, так это мальчиков, но его французский психоаналитик сказал ему, что это пройдет, если он убедит меня переспать с ним. У меня на этот счет были серьезные сомнения.

Потом я встретила Хьюго², и уже не сомневалась, что нашла любовь моей жизни. Хьюго тоже был красивым и обаятельным, но еще добрым, и романтичным, из богатой семьи, и не хотел мальчиков, других девочек или кого-то еще. Хьюго хотел только меня. Но его семья пришла в ужас, узнав, что он собирается жениться на франко-кубинской дочери пианиста-бабника, и Хьюго остался без наследства. Любовь, однако, покоряет все. Во всяком случае, на какое-то время, и у тебя в голове, если не приглядываться. Но уже в нашу брачную ночь стало ясно, что ни один из нас не знал, а что мы, черт побери, делаем. Все равно, что играть в «прикрепи ослу хвост» в темноте. Мы не знали, куда прикреплять, а потом не знали, что делать, после того, как прикрепили. Постепенно сообразили, что делаем неправильно, и у него получалось все лучше, но правда в том, что рано или поздно влюбленные начинают хотеть чего-то еще. В вине всегда есть капля яда.

Хьюго был самым добрым и понимающим мужчиной в истории вселенной, и через какое-то время эти доброта и понимание начали действовать мне на нервы. Тихий голос продолжал

---

² Ян Хьюго – псевдоним Хью Паркера Гилера/Hugh Parker Guiler (1895-1985), художника-фюмажиста, (некоторые из его картин стали обложками книг жены) режиссера и успешного банкира (в банковском мире использовал настоящее имя)

нашептывать у меня в голове. Это совсем не то. Он невероятно мил, но это не то, что ты искала. Я все больше и больше нервничала.

Хьюго так волновался, знакомя меня со своим старым профессором из Колумбийского университета, человеком, которого боготворил, автора бестселлеров, поверхностных, как высыхающая лужа. Но я обнаружила, что и меня тянет к этому человеку. Одно вело к другому. Но в критический момент, когда я уже лежала обнаженная и беспомощная, под героем моего мужа, великого человека внезапно начала грызть совесть. «Нет, – сказал он, – нельзя. Я не могу».

«Ты не можешь изменить своей жене? – спросила я. – Это так благородно с твоей стороны».

«Нет, – ответил он, – дело в другом. Я не чувствую себя вправе изменять моей любимице».

Вот так унижительно закончилась моя первая попытка измены. Этот напыщенный старый козел хотел меня не настолько сильно, чтобы изменить со мной женщине, с которой изменял жене.

И я попыталась еще сильнее любить своего мужа. Сложностей с этим не было никаких. Просто этого мне не хватало. Я ощущала потребность в чем-то еще. В ком-то другом. В ком-то старом. Я знаю. Знаю. Привет Фрейд. Но есть гигантская пропасть между тем, что ты интеллектуально понимаешь по части своих мотивов, и тем, что ты делаешь в жизни.

Потом, в Париже, я встретила Генри³. И Генри так разительно отличался от всех, кого я знала. Лысый. С бруклинским акцентом. В очках. Не поражал габаритами, но довольно спортивный. Мог пройти на руках и катался на роликах. Вроде бы не совсем мужчина моей мечты или чьей-то еще. Ничего общего с моим отцом. Да только когда я начала читать незаконченный роман Генри, текст меня потряс. Не приходилось мне еще сталкиваться с такой смелостью. Этот мужчина в своем писательстве не боялся ничего. Абсолютно ничего. Он шокировал и ужасал, текст был абсурдным, вульгарным, грязным, иногда очень смешным, часто – непомерно жестоким. Тут и там встречались плохо написанные отрывки, а потом, внезапно, словно лошади вырывались из горящей конюшни, шли страницы и страницы возбуждающей, маниакальной прозы, которые подхватывали и уносили прочь.

Сначала я думала, что мы с Генри будем просто друзьями, особенно после того, как его жена, Джун⁴

---

³ Гэ́нри Ва́лентайн Ми́ллер/Henry Valentine Miller (1891-1980) – американский писатель и художник. Жизненные впечатления легли в основу его скандальных для того времени интеллектуально-эротических романов о мире после Первой мировой и о судьбе писателя в этом мире.

⁴ Джун Эдит Смит/June Edith Smith (1902-1979) – вторая жена известного американского писателя Генри Миллера, оказавшая важное влияние на его творчество и в целом на становление, как писателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.